

ГНИЛОУСТ

ОКСАНА АБРАМКИНА

Оксана Абрамкина

Гнилоуст

«Автор»

2026

Абрамкина О.

Гнилоуст / О. Абрамкина — «Автор», 2026

Некоторые тайны лучше оставить погребенными во мхах. Четверо друзей отправляются в глухие карельские леса в поисках мистических кадров для блога. Они рассчитывали на легкое приключение, посиделки у костра и захватывающие пейзажи. Но карельская тайга не любит незваных гостей. Там, где перестают работать компасы и навигаторы, пространство искажается, а тропы ведут к Гнилоусту — древнему урочищу, где граница между живой природой и первобытным кошмаром стирается навсегда. Этот лес не просто убивает — он питается памятью, страхами и человеческими душами. Не все смогут спастись. Да и можно ли считать спасением возвращение в мир, если часть твоей души навсегда осталась переплетена с корнями древних сосен?

© Абрамкина О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Оксана Абрамкина

Гнилоуст

Часть первая

Точка невозврата

Светодиодное кольцо отражалось в зрачках Макса двумя идеальными белыми полукругами. В его полутемной комнате пахло остывшей пиццей, дешевым энергетиком и перегретым пластиком двух системных блоков. Направленный микрофон-пушка на пантографе ловил каждое его дыхание, превращая обычный выдох в бархатистый, доверительный шепот профессионального ведущего.

— Ну что, народ, всем привет, кто только что подключился! С вами Макс, и это канал «Грань». Располагайтесь поудобнее, потому что сегодня у нас не просто дежурный созвон. Сегодня мы объявляем старт самого масштабного, самого опасного и, черт возьми, самого дорогого проекта за всю историю нашего канала.

Макс выдержал паузу, откинувшись на спинку геймерского кресла. На его лице играла отретпетированная полуулыбка — смесь азарта и легкого пренебрежения к опасности. На самом деле под рубашкой его спина была влажной от пота. Счётчик зрителей в углу экрана стремительно полз вверх: 4200... 4800... 5500 человек в онлайн. Чат справа летел с такой скоростью, что разобрать отдельные сообщения было почти невозможно — сплошная стена из смайликов, восклицательных знаков и никнеймов.

В углу комнаты, в тени, куда не доставал холодный свет кольцевой лампы, сидел Дэн. На его коленях лежал профессиональный стабилизатор для камеры, который он методично протирал микрофиброй. Дэн не любил светиться в кадре, предпочитая оставаться «голосом за кадром» и техническим мозгом их команды. Рядом с ним на диване, поджав под себя ноги, сидела Кира.

Она быстро, почти лихорадочно чиркала что-то простым карандашом в своем блокноте на пружине. Грифель с тихим шуршанием касался бумаги, и этот звук почему-то казался Максиму более громким, чем гул кулеров.

— Вы часто писали в комментариях, что наши выпуски про заброшенные бункеры Подмосковья — это детские игрушки, — продолжил Макс, подавшись вперед, к камере. — Что всё это постановка, декорации и нагнетание на пустом месте. Ладно. Вы хотели настоящей жести? Вы её получите. Через три дня наша команда отправляется на север. Республика Карелия. Город Медвежьегорск.

Чат на секунду замер, а затем взорвался новой волной сообщений.

«О, Карелия! Там круто, комары только сожрут» «Медвежка? Чего там ловить, обычный карельский совок» «Макс, не суйся туда, там глухомань дикая» «Аномальщину искать будете? На Воттоваару валите!»

Макс усмехнулся, заметив упоминание знаменитой горы.

— Нет, ребята. Никакой Воттоваары. Это попса для туристов. Мы идем глубже. В тайгу, которая начинается сразу за чертой Медвежьегорска. Туда, куда местные охотники не заходят даже днем. Туда, где, если верить архивам и старым карельским легендам, живет то, что они называют «Гнилоуст».

Макс произнес это имя с особой, зловещей интонацией. Дэн на секунду перестал протирать стабилизатор и поднял глаза на Макса. Кира замерла, её карандаш застыл над бумагой, оставив жирную черную точку.

— Легенда старая, как сам этот лес, — Макс понизил голос, заставляя зрителей прибавить громкость в наушниках. — Говорят, это древний дух или существо, которое заманивает людей в чащу. Но самое странное — те, кто пропадают там, исчезают бесследно. Поисковые отряды, собаки, вертолеты — ничего не находят. Кроме одной детали. Обувь. Лесники периодически находят на болотах и в буреломах аккуратно стоящие ботинки пропавших. И все они доверху набиты сырым зеленым мхом. Словно люди просто... растворились прямо в своей одежде. Мы собираемся проверить это. Мы снимем трехсерийный документальный фильм прямо из эпицентра. Мы докажем, что это либо глупые сказки для привлечения туристов, либо...

Макс не закончил фразу. В этот момент на экране монитора, прямо поверх бегущего чата, выскочило окно крупного доната. Звуковой сигнал — глухой, вибрирующий удар колокола, который Дэн настроил для особых пожертвований, — заставил Макса вздрогнуть.

Сумма доната была незначительной — всего сто рублей. Но внимание Макса привлек ник отправителя и сообщение, написанное капслоком.

Пользователь Moss_Man отправил 100 рублей. Сообщение: «ОБУВЬ СНИМИТЕ СРАЗУ, ТАК ЛЕГЧЕ ИДТИ».

Макс на секунду потерял нить разговора. Текст сообщения выглядел странно на фоне привычных «Удачи!» или «Макс, ты топ!». В чате тоже наступило странное затишье. Бешеная скорость прокрутки спала, словно алгоритмы YouTube внезапно споткнулись.

— Э-э... спасибо за донат, Moss_Man, — Макс попытался вернуть на лицо свою фирменную уверенную улыбку, но она вышла натянутой. — Оригинальный совет. Но, думаю, в карельской тайге без берцев мы долго не протянем. Там болота, знаешь ли, змеи...

Он перевел взгляд на Дэна, ища поддержки, но оператор смотрел не на него. Дэн хмурился, глядя в экран своего телефона, на котором была запущена админка стрима.

— Макс, — тихо позвал Дэн, стараясь, чтобы его голос не попал в микрофон. — Что-то с чатом.

— А? — Макс быстро глянул на правый монитор.

Чат действительно вел себя неестественно. Сообщения от других пользователей перестали появляться. Вместо этого вся лента начала заполняться сообщениями от одного и того

же аккаунта. Moss_Man. Строчка за строчкой, с интервалом в доли секунды, они заполняли экран, смывая предыдущие реплики зрителей.

Moss_Man: Обувь снимите сразу, так легче идти. Moss_Man: Обувь снимите сразу, так легче идти. Moss_Man: Обувь снимите сразу, так легче идти. Moss_Man: Она мешает корням. Moss_Man: Обувь снимите сразу, так легче идти.

— Дэн, забань его, — быстро шепнул Макс, чувствуя, как внутри зарождается неприятный, липкий холодок. — Модераторы, ау! Что за спам-атака?

— Я пытаюсь, — Дэн быстро застучал по клавишам своего ноутбука. — Он не банится. Кнопка «заблокировать» не активна. Пишет «ошибка доступа». Черт, у меня вообще консоль зависла.

На экране стрима тем временем происходило что-то совсем странное. Веб-камера Макса начала искажать изображение. Его лицо на видео шло горизонтальными полосами, вытягивалось, а зеленый хромакей за его спиной вдруг пошел рябью, окрашиваясь в грязно-бурый, болотный цвет.

Кира медленно поднялась с дивана. Её лицо было бледным. Она подошла к столу Макса и посмотрела на свой скетчбук, который держала в руках. На листе бумаги карандашом был набросан силуэт человека, стоящего спиной к зрителю. Вместо ног у него были длинные, переплетенные корни, уходящие глубоко в землю. А у ног стояли пустые ботинки.

— Макс... — тихо произнесла Кира. — Выключи это. Пожалуйста.

— Ребята, технические неполадки! — крикнул Макс в микрофон, стараясь сохранить бодрый тон, хотя его голос заметно дрогнул. — Похоже, нас кто-то жестко дудосит. Мы прерываем эфир, увидимся уже из Медвежьегорска! Следите за телегой!

Он резко потянулся к мышке и нажал кнопку «Завершить трансляцию».

Экран погас. В комнате сразу стало темно — горели только системные блоки и тусклая настольная лампа. Шум кулеров показался оглушительным.

Макс откинулся на спинку кресла и глубоко вздохнул, проводя ладонью по лицу.

- Ну и чертовщина. Дэн, что это было? Бот-атака?

Дэн не ответил. Он сидел, уставившись в монитор своего ноутбука. На черном экране командной строки, которая должна была быть пустой после закрытия стрима, сама собой продолжала печататься одна и та же строка:

C:\Users\Admin> Обувь снимите сразу, так легче идти...

В комнате внезапно стало очень холодно. Кира плотнее завернулась в кофту, а Макс отчетливо почувствовал, как от окна, которое было плотно закрыто, потянуло сырым, тяжелым запахом прелой хвои и мокрой земли.

Монотонный гул шин по влажному асфальту трассы Р-21 «Кола» действовал на нервы сильнее, чем откровенный шум. Этот звук въедался в подсознание, превращаясь в бесконечную, серую полосу, которая тянулась уже шестой час. За лобовым стеклом старого внедорожника Дэна разворачивался унылый карельский пейзаж: бесконечная стена хвойного леса, изредка прерываемая серыми глыбами гранита и зеркалами свинцово-холодных болот.

В салоне пахло дешевым кофе из придорожного кафе и химозным ароматизатором «Новая машина», который должен был перебивать запах сырости, но вместо этого лишь смешивался с ним, создавая удушливую, тошнотворную смесь.

Дэн уверенно держал руль обеими руками. Его бледное лицо в полумраке кабины казалось высеченным из того же карельского гранита. Время от времени он глухо, натужно кашлял в кулак, стараясь делать это как можно тише, чтобы не привлекать внимания.

Макс на пассажирском сиденье жил в своем собственном мире. Он то и дело поднимал телефон, пытаясь поймать слабеющую сеть, проверял просмотры под вчерашним анонсом и раздраженно цокал языком.

— Сеть сдохла окончательно, — проворчал Макс, откидывая телефон на приборную панель. — Даже «Ешка» не горит. Как тут люди живут? Дэн, мы точно правильно едем? Навигатор застыл полчаса назад.

— Дорога одна, не заблудишься, — хрипло ответил Дэн, не переводя взгляда с асфальта. — Скоро будет поворот на Медвежьегорск. Главное — успеть до темноты. На этих трассах ночью лоси выходят, мало не покажется.

На заднем сиденье Кира прижала лоб к холодному боковому стеклу. Её мутило. Желудок сжимался в тугой, болезненный узел при каждом легком покачивании машины на дорожных стыках. Она закрывала глаза, пытаясь уснуть, но перед мысленным взором тут же вставали бесконечные ряды сосен, бегущие назад, и странные сообщения из вчерашнего чата.

«Обувь снимите сразу...»

Она открыла глаза и шумно выдохнула через нос, пытаясь унять подступившую к горлу тошноту. За окном проносился лес. Но это был не тот приветливый, светлый сосновый бор, который показывают на туристических открытках. Здесь, ближе к северу, тайга становилась угрюмой, запущенной. Ели стояли вплотную друг к другу, их нижние ветви были сухими, черными и перепутанными, словно колючая проволока. С лап огромных деревьев свисали длинные, грязно-серые пряди бородатого лишайника. В Карелии его называют «ведьмины волосы». Казалось, будто деревья укутаны в истлевшие саваны.

Кира моргнула. Ей показалось, что одна из раскидистых елей на обочине качнулась не от ветра. Она словно... подалась вперед, провожая машину взглядом.

— Дэн, сбрось скорость, — тихо попросила Кира. Её собственный голос показался ей чужим, надтреснутым.

— Что, Кир, совсем плохо? — Макс обернулся с переднего сиденья, в его глазах читалось дежурное сочувствие, смешанное с нетерпением. — Потерпи немного, скоро приедем. Нам нельзя терять время, Алина нас уже ждет у въезда.

— Нет, я... — Кира сглотнула слюну. — Деревья. Они странные.

— В каком смысле? — Макс прищурился, глядя в боковое окно. — Лес как лес. Дрова.

— Они клонятся, — прошептала Кира, не отрывая взгляда от окна.

Теперь она видела это отчетливо. Это не было оптической иллюзией или следствием её тошноты. Деревья по обе стороны дороги не росли вертикально вверх. Чем ближе они стояли к асфальту, тем сильнее их стволы изгибались, образуя над дорогой подобие живой, колышущейся арки. Тяжелые, покрытые лишайником ветви тянулись к машине, словно пытались дотянуться до крыши, погладить её своими сухими, когтистыми пальцами.

И самое жуткое — они двигались. Когда внедорожник приближался к очередному дереву, оно медленно, едва заметно, но совершенно плавно наклоняло свою вершину ниже, навстречу лобовому стеклу, а после того, как машина проезжала, возвращалось в прежнее положение.

Словно лес кланялся им. Или... принимался к незванным гостям.

— Дэн! — Кира вскрикнула, резко подавшись вперед и вцепившись пальцами в спинку водительского сиденья. — Тормози! Тормози, оно сейчас упадет!

Прямо перед ними огромная, вековая сосна с уродливым, искривленным стволом внезапно накренилась над дорогой под углом почти в сорок пять градусов. Её нижние ветви буквально скребли по воздуху в паре метров от асфальта.

Дэн резко нажал на тормоз. Тяжелый внедорожник клюнул носом, шины жалобно взвизгнули, заставив сработать АБС. Киру швырнуло вперед, ремень безопасности больно врезался в грудь. Сумки на заднем сиденье с грохотом посыпались на пол.

Машина остановилась посреди пустой трассы. Двигатель продолжал тихо работать, но в салоне повисла мертвая, звенящая тишина.

— Черт возьми, Кира! Ты чего творишь?! — Макс тяжело дышал, ухватившись за ручку над дверью. — Я чуть зубы об панель не выбил! Дэн, ты видел что-нибудь?

Дэн молчал. Он смотрел прямо перед собой через лобовое стекло. Его пальцы так сильно сжимали руль, что побелели суставы.

Прямо перед капотом машины дорога была абсолютно чистой. Сосна, которая секунду назад висела над асфальтом, преграждая путь, теперь стояла на обочине. Ровная, прямая, уходящая вершиной в серое небо. Ни одна её ветка не шевелилась. Ветра не было вообще.

— Здесь ничего нет, — тихо сказал Дэн. Его голос был ровным, но в нем сквозило напряжение. — Кира, тебе показалось. Это из-за укачивания. Глюк.

— Я видела... — Кира почувствовала, как по щеке покатилась холодная слеза. — Она наклонилась. Прямо на нас. Она тянулась...

— Тихо, тихо, всё нормально, — Макс вздохнул и потянулся назад, похлопав её по колену. — Это просто усталость. И саспенс. Мы все на взводе после вчерашнего стрима. Дэн, давай потихоньку дальше. Тут стоять посреди трассы небезопасно.

Дэн медленно отпустил педаль тормоза. Машина тронулась.

Когда они проезжали мимо той самой сосны, Кира заставила себя посмотреть на её ствол. Кора дерева была темной, почти черной от влаги. И на высоте человеческого роста на ней отчетливо выделялся свежий, светлый скол, словно кто-то совсем недавно содрал кусок коры. Форма скола до боли напоминала раскрытый в безмолвном крике рот.

Кира отвернулась и закрыла лицо руками. Ей казалось, что холодный, сырой воздух тайги уже просочился сквозь закрытые окна и теперь медленно заполняет её легкие с каждым вдохом.

Медвежьегорск встретил их тяжелым запахом озерной гнили и мокрого угля. Город казался высеченным из того же серого гранита, на котором стоял. Зажатый между суровыми, поросшими кривыми соснами скалами и бескрайним, свинцовым зеркалом Онежского озера, он выглядел временным, полузаброшенным лагерьем, который тайга вот-вот поглотит обратно.

Двухэтажные деревянные бараки с почерневшими от сырости стенами соседствовали здесь с безликими советскими пятиэтажками. Редкие прохожие в темных куртках шли, низко опустив головы, словно пряча лица от пронизывающего ветра, дующего с озера. Онега лежала неподвижно, огромная и мертвая, без единой волны, отражая низкое, волокнистое небо.

— М-да, жизнерадостное местечко, — пробормотал Макс, прижимаясь лбом к стеклу. — Идеальная декорация для хоррора. Дэн, сними пару планов через лобовуху, пока свет совсем не ушел.

Дэн молча приподнял камеру, объектив тихо зажуужал, ловя фокус на серых крышах.

Они договорились встретиться с Алиной на старой, полуразрушенной деревянной пристани, где когда-то швартовались катера. Сейчас от нее остались лишь черные, покрытые слизью сваи, торчащие из воды, как гнилые зубы какого-то исполинского чудовища.

Алина стояла на краю бетонного пирса. На ней была старая, выцветшая штормовка болотного цвета и тяжелые туристические ботинки. Руки она глубоко прятала в карманы. Из-под натянутого капюшона выбивались пряди темных волос, а лицо казалось неестественно бледным, почти прозрачным на фоне серой воды.

Когда внедорожник остановился рядом, она вздрогнула, словно её вырвали из глубокого забытья, и медленно повернулась.

Макс первым выскочил из машины, раскинув руки для приветствия, но его энтузиазм быстро угас под её холодным, остановившимся взглядом.

— Привет! — Макс попытался улыбнуться. — Едва нашли это место. Связь тут, конечно, полный отстой. Я Макс, это Дэн и Кира.

Алина лишь коротко кивнула. Её глаза, окруженные темными тенями от недосыпа, скользнули по ребятам. Когда её взгляд остановился на Кире, Алина на секунду задержала его, словно оценивая, выдержит ли эта хрупкая девушка то, что ждет их впереди.

— Машина пройдет до старой вырубki, — без предисловий сказала она. Её голос был тихим, монотонным, лишенным каких-либо эмоций. — Дальше только пешком. Назад дороги не будет, пока не пройдем маршрут. Вы уверены, что вам это надо?

— Обижаешь, — усмехнулся Макс. — Нас ждет отличный контент. Ты ведь покажешь нам места, где... ну, где пропал твой брат?

При упоминании брата Алина едва заметно вздрогнула. Пальцы в карманах её куртки сжались так, что ткань натянулась.

— Покажу, — коротко бросила она и направилась к задней двери машины.

Она села на заднее сиденье рядом с Кирой. В салоне сразу стало как будто холоднее. От Алины пахло сухой травой, болотной водой и чем-то еще — странным, сладковатым запахом, который Кира уже где-то чувствовала, но не могла вспомнить, где именно.

Дэн завел мотор. В этот момент Алина сделала странное движение: она резко, почти панически откинула голову назад и закрыла лицо ладонью.

— Что такое? — обернулся Макс.

— Зеркало, — глухо сказала Алина сквозь пальцы. — Поверни зеркало.

Дэн посмотрел в салонное зеркало заднего вида. В нем отражалась Алина, точнее, её рука, закрывающая лицо.

— Извини, — Дэн протянул руку и повернул зеркало вверх, к потолку, так, чтобы в нем отражалась только обивка крыши. — Так нормально?

Алина медленно опустила руку. Её дыхание было частым и прерывистым.

— Не люблю отражения, — тихо, словно оправдываясь, произнесла она, глядя исключительно в пол машины. — В Медвежьегорске... в общем, у нас старые люди говорят, что через зеркала лес видит тебя изнутри. Когда ты смотришь на себя, он смотрит на твои мысли.

Макс хмыкнул, явно сочтя это за хорошую байку для будущего сценария, и потянулся к блокноту, чтобы записать фразу. Но Кира не смеялась. Она внимательно наблюдала за Алиной.

Окна машины были слегка запотевшими от дыхания. На стекле со стороны Алины образовалась тонкая водяная пленка, создающая слабое, размытое отражение. Заметив это, Алина тут же резко отвернулась в противоположную сторону, буквально вжавшись плечом в сиденье.

Киры. Её взгляд метался по полу салона, избегая любых блестящих поверхностей — хромированных ручек дверей, экрана выключенного телефона Макса, объектива камеры Дэна.

— У тебя дома нет зеркал? — тихо спросила Кира, стараясь говорить как можно мягче.

Алина медленно повернула к ней голову, но смотрела не в глаза Кире, а куда-то в район её плеча.

— Я закрасила их черной краской, — шепотом ответила она. — Все до одного. После того, как Коля пропал. В первую ночь я подошла к зеркалу в прихожей... и увидела, что за моей спиной, прямо в коридоре нашей квартиры, стоят еловые ветки. И они шевелились, хотя окна были закрыты.

В салоне снова повисла тяжелая тишина. Слышно было только, как дворники с тихим шуршанием смахивают с лобового стекла первые тяжелые капли начавшегося холодного дождя. Дэн молча переключил передачу, и внедорожник двинулся по разбитой улице Медвежьегорска в сторону темнеющей на горизонте стены леса.

Дом Алины стоял на самой окраине города, у подножия мрачной растрескавшейся скалы. Это был старый одноэтажный сруб, обшитый потемневшими от времени и дождей досками. Окна были закрыты плотными ставнями, из-за чего внутри царил вечный полумрак.

Когда ребята вошли, первое, что бросилось в глаза — полное отсутствие зеркал. На стене в прихожей, там, где обычно висит трюмо, остался лишь светлый прямоугольник на обоях и вбитый в стену ржавый гвоздь. Все стеклянные дверцы серванта в гостиной были заклеены плотной черной бумагой.

Алина молча прошла в глубь дома и вернулась с тяжелой картонной коробкой из-под обуви. На крышке толстым слоем лежала серая пыль. Она поставила коробку на круглый деревянный стол под тусклой, висящей на длинном проводе лампой.

— Здесь всё, что я смогла собрать, — тихо сказала она. — И то, что собирал мой отец. Он тоже искал... до того, как его не стало.

Макс тут же оживился. Он быстро установил на штатив кольцевую лампу, направив холодный свет на стол, и кивнул Дэну. Тот включил камеру.

— Отлично, мотор. Алина, показывай, — скомандовал Макс, принимая рабочий вид. — Зрители любят такие детали. Реальные документы — это золото.

Алина медленно сняла крышку. Внутри лежали пожелтевшие от времени газетные вырезки, старые черно-белые фотографии, распечатки с интернет-форумов и несколько потрепанных тетрадей в коленкорových переплетах.

Она достала первый лист — хрупкую, крошащуюся по краям вырезку из советской газеты «Новая Кондопога» за 1984 год.

— Сентябрь восемьдесят четвертого, — Алина указала пальцем на короткую заметку под заголовком «Внимание: розыск». — Группа студентов из Петрозаводского университета. Пять человек. Пошли в поход третьей категории сложности в районы севернее Медвежьегорска. Пропали на седьмой день маршрута. Искали три месяца с привлечением военных и вертолетов.

— И что нашли? — спросил Макс, подавшись вперед.

— Ничего. Ни палаток, ни рюкзаков, ни следов борьбы. Только... — Алина достала из коробки старое фото. Качество было ужасным, зернистым, но суть улавливалась сразу. На земле, между корней огромной ели, стояли пять пар кожаных советских ботинок. Они стояли идеально ровно, пара к паре, словно их владельцы разулись перед тем, как лечь спать. — Их нашли в болоте, в десяти километрах от предполагаемого маршрута. Все ботинки были плотно, до самого верха, набиты сырой хвоей и зеленым мхом. Словно кто-то аккуратно утрамбовал их изнутри.

Кира почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Она всматривалась в снимок. В этих аккуратно стоящих ботинках было что-то глубоко противоестественное, пугающее гораздо сильнее, чем если бы на фото были следы крови.

— А это девяностые, — Алина выложила следующую пачку документов. Вырезки из бульварных газет 1996 года с кричащими заголовками о «Карельском треугольнике» и «Проклятии Гнилоуста». — Семья из трех человек приехала на машине из Санкт-Петербурга на дикий отдых. Машину нашли на обочине лесной дороги. Двери были заперты изнутри, вещи на месте. А в ста метрах в чаще, на поваленном стволе березы, стояли три пары обуви. Две взрослые, одна детская — маленькие красные сапожки. И тоже... набиты еловыми иглами. Свежими, зелеными. Экспертиза тогда установила, что иглы были сорваны с живых деревьев непосредственно перед тем, как их запихали в обувь.

— Но это же бред, — пробормотал Дэн, не отрывая взгляда от видоискателя камеры. — Зачем кому-то разуваться в глухом лесу и набивать обувь травой? Это какой-то ритуал? Местный маньяк?

— За тридцать лет? — тихо спросила Алина, посмотрев на него своими темными, немигающими глазами. — Маньяки стареют и умирают. А это продолжается. Раз в несколько лет. Вот, смотрите. Две тысячи двенадцатый год. Двое профессиональных геодезистов. Спецоборудование, спутниковые трекеры. Трекеры просто отключились в одну секунду. Когда их нашли... точнее, когда нашли их обувь, трекеры лежали рядом. Батарейки были полностью разряжены, хотя их заряжали перед выходом. Обувь стояла на гранитном валуне. Внутри — мох.

Алина замолчала. Она медленно запустила руку на самое дно коробки и достала современный лист формата А4 — распечатку поискового отряда «Лиза Алерт». С листа на ребят смотрело лицо молодого парня с открытой, доброй улыбкой. Он был очень похож на Алину — те же темные глаза, та же линия подбородка.

— Мой брат Коля, — тихо сказала она. — Пропал три месяца назад. Он не верил в эти сказки. Сказал, что найдет объяснение. Он пошел один. Хотя вроде планировал изначально пойти с кем-то...

— И... его обувь? — спросила Кира, уже зная ответ.

Алина молча кивнула. Она достала из кармана куртки мобильный телефон и, не глядя на экран (он был зеркальным, когда выключен), протянула его Кире.

— Посмотри последнее фото в галерее. Это прислал мне следователь перед тем, как дело закрыли за отсутствием улик.

Кира взяла телефон. На экране был снимок, сделанный на современную камеру высокого разрешения. Посреди глухого, заваленного буреломом леса, на сером ковре из лишайника, стояли тяжелые трекинговые ботинки известного бренда. Они выглядели почти новыми. Из их голенищ густо, щеткой, торчала свежая, ярко-зеленая хвоя.

Но самым страшным было другое. Кира приблизила изображение. Ей показалось, или из-под хвои, у самого края подошвы одного из ботинок, виднелся крошечный, тонкий, белый корешок? Словно обувь не просто набили травой, а она сама начала пускать корни в землю.

— Завтра мы идем туда, где их нашли, — сказала Алина, забирая телефон. — Вы всё еще хотите этого?

Макс молчал несколько секунд. В его глазах боролись два чувства: первобытный страх и профессиональный азарт блогера, который понимал, что этот материал принесет ему миллионы просмотров.

— Идем, — твердо сказал Макс. — Завтра на рассвете.

Гостиница «Онежские зори» казалась застрявшей во времени где-то в конце семидесятых. Длинные коридоры, застеленные потертыми коврами дорожками цвета засохшей крови, тусклые пыльные плафоны под потолком и въевшийся в стены запах хлорки, дешевого табака и старой древесины.

Кире достался маленький одноместный номер на третьем этаже. В комнате было холодно. Батарея под окном едва теплилась, испуская слабое, безнадежное шипение. За окном бушевала карельская ночь: ветер с озера швырял в стекло пригоршни ледяного дождя, отчего рамы жалобно дребезжали.

Кира лежала на узкой кровати, укрывшись колючим шерстяным одеялом по самый подбородок, но согреться не могла. В голове крутились образы из архива Алины. Красные детские сапожки, набитые зеленым мхом. Ботинки Коли, сквозь которые прорастали белые нити корней. И сосна. Та уродливая сосна на обочине трассы, которая наклонилась над ними, словно приносясь.

«Это просто усталость, — твердила она себе, глядя в темный потолок. — Психологическое заражение. Макс накрутил атмосферу, Алина добавила жути...»

Она закрыла глаза.

...Ей показалось, что она засыпает, но сон не приносил облегчения. Ей снился шорох. Мягкий, вкрадчивый шелест сотен тысяч иголок, трущихся друг о друга. Словно весь лес вокруг Медвежьегорска пришел в движение и медленно, бесшумно пополз к стенам гостиницы, сжимая кольцо.

Кира резко открыла глаза.

В комнате было темно, лишь желтый свет одинокого уличного фонаря пробивался сквозь щели в шторах, рисуя на потолке причудливые, шевелящиеся тени от ветвей растущего под окном тополя. Эти тени казались длинными, узловатыми пальцами.

Кира поднялась с кровати. Её тело двигалось странно — тяжело, послушно, но словно лишенное собственной воли. Она не чувствовала холода деревянного пола босыми ногами. В голове царил абсолютный, звенящий вакуум. Не было ни страха, ни мыслей, только непреодолимая, гипнотическая потребность сделать одно конкретное действие.

Она подошла к столу, на котором лежал её рюкзак. Рука сама, без участия сознания, расстегнула молнию и достала тяжелый скетчбук в плотной черной обложке и профессиональный маркер-линер.

Кира села на скрипучий стул. Чернильный стержень коснулся плотной шероховатой бумаги.

Скрип. Скрип-скрип.

Звук маркера в тишине пустой комнаты казался оглушительным. Он напоминал скрежет когтей по сухой коре. Кира не думала о композиции, не планировала рисунок. Её рука двигалась с пугающей скоростью, нанося резкие, рваные штрихи. Чернила ложились густо, пропитывая бумагу насквозь.

Она рисовала дерево. Но это было не обычное растение.

Из переплетения уродливых корней поднимался мощный, перекрученный ствол. Кора на нем не была чешуйчатой — она шла глубокими складками, напоминающими морщинистую, дряблую человеческую кожу. Ветви изгибались под неестественными углами, ломаясь и переплетаясь, словно судорожно скрюченные пальцы в приступе боли.

Но самое страшное проступало в центре ствола.

Рваные линии коры складывались в человеческое лицо. Оно было огромным, искаженным гримасой нечеловеческого страдания или безумного экстаза. Пустые, слепые глазницы, затянутые паутиной мелких веток. Приплюснутый нос. И рот.

Вместо рта в центре лица зияло глубокое, абсолютно черное дупло. Оно уходило вглубь ствола, в самую сердцевину дерева. Рисуя его, Кира с силой вдавливала маркер в бумагу, заштриховывая пустоту слой за слоем, пока кончик линера не начал мохнатиться и рвать лист. Чернота дупла казалась объемной, живой. Из этого провала, казалось, сквозило могильным холодом.

Скрип...

Маркер выпал из её пальцев и со стуком покатился по столу.

Кира вздрогнула и глубоко, судорожно вздохнула, словно только что вынырнула из ледяной воды.

В окно бил серый, грязный свет карельского утра. Дождь прекратился, оставив после себя лишь унылую изморозь.

Кира сидела за столом, сжавшись в комок от пронзительного утреннего холода. Её мышцы затекли и ныли, словно она всю ночь разгружала вагоны. Она недоуменно посмотрела на свои руки. Пальцы правой руки были испачканы несмываемыми черными чернилами — подушечки большого и указательного пальцев стали угольно-черными.

Она перевела взгляд на стол.

Перед ней лежал открытый скетчбук. На листе красовался жуткий, детальный рисунок дерева-лица с черной бездной вместо рта. Рисунок был выполнен с такой анатомической точностью и экспрессией, на какую Кира, как ей казалось, никогда не была способна. От изображения веяло такой осязаемой, древней жутью, что девушке захотелось немедленно захлопнуть блокнот.

— Что это?... — прошептала она, касаясь испачканными пальцами листа.

Она абсолютно не помнила, как рисовала это. Последнее, что осталось в её памяти — это то, как она укрывалась одеялом и слушала шум дождя. Между этим моментом и серым утром была лишь пустота. Черная, как дупло на её рисунке.

В дверь резко и громко постучали. Кира подпрыгнула на стуле, едва не вскрикнув.

— Кир, ты проснулась? — раздался из-за двери бодрый голос Макса. — Давай быстрее, Алина уже внизу ждет. Погода налаживается, надо выезжать, пока туман не поднялся!

Кира дрожащими руками захлопнула скетчбук и сунула его на самое дно рюкзака, засыпав сверху вещами. Ей казалось, что, если парни увидят этот рисунок, они посчитают её сумасшедшей. Или, что еще хуже, Макс заставит её показать его на камеру.

— Да, Макс, иду! — крикнула она, пытаясь придать голосу уверенности.

Она подошла к раковине в углу номера, открыла кран и принялась яростно тереть пальцы мылом. Но чернила маркера въелись намертво, оставаясь под кожей черными, зловещими пятнами. Словно грязь из того самого леса, которая уже начала прорастать сквозь её плоть.

Последняя заправка на границе цивилизации выглядела так, словно её забросили еще в прошлом веке, но забыли закрыть. Две ржавые колонки с облупившейся синей краской стояли

на потрескавшемся бетонном островке. За ними начиналась глухая, бесконечная стена карельской тайги.

Утренний туман, выползший из низин, стоял здесь плотной, молочно-белой пеленой. Он гасил звуки и делал очертания деревьев размытыми, похожими на гигантские призрачные фигуры, застывшие в ожидании. Пахло сыростью, болотным торфом и дешевым дизельным топливом.

Дэн вставил пистолет в бензобак внедорожника. Гудение старого насоса внутри колонки звучало натужно, с металлическим надрывом.

Макс ушел в крошечный павильон заправки — купить в дорогу энергетики и чипсы. Алина осталась в машине. Она сидела на заднем сиденье, натянув капюшон по самые брови, и упорно смотрела в свои колени, игнорируя боковые зеркала заднего вида, на которых осели крупные капли росы.

Кира стояла у капота, зябко кутаясь в куртку. Она то и дело терла правую руку — чернильные пятна на пальцах зудели, словно под кожу попали мелкие занозы.

Дэн достал из сумки камеру. Накрутив поляризационный фильтр на тяжелый объектив, он поднял аппарат к глазам и направил его в сторону леса. Сквозь видоискатель тайга казалась еще более зловещей. Туман клубился между черными стволами вековых елей, скрывая то, что происходило в глубине.

— Эй, парень, — раздался сбоку тихий, сиплый голос.

Дэн вздрогнул и опустил камеру. Из тумана, со стороны старого потрепанного трактора, припаркованного у края заправки, медленно вышел старик. На нем была поношенная брезентовая штормовка, перемазанная мазутом, и болотные сапоги, подвернутые у колен.

Лицо старика, изрезанное глубокими морщинами, казалось высеченным из коры старого дерева. Маленькие, глубоко посаженные глаза карела смотрели на Дэна со смесью жалости и сурового осуждения.

— Не надо этого делать, — старик кивнул на объектив камеры.

— Чего именно? — не понял Дэн. — Снимать? Мы блогеры, кино снимаем о ваших местах. Тут же красиво. Туман, сосны...

Старик сплюнул под ноги на потрескавшийся асфальт.

— Красиво, — эхом отозвался он, и в его голосе послышалась сухая усмешка. — Тайга — она живая. Только у нее свои глаза. И она не любит, когда на неё смотрят через стекло. Особенно через такое.

Он протянул узловатый, грязный палец и указал прямо на переднюю линзу объектива Дэна. В стекле, как в выпуклом зеркале, отражалась стена леса и наползающий туман.

— Почему? — вмешалась Кира, подходя ближе. Ей вдруг стало очень холодно, несмотря на то, что ветра не было.

Старик медленно перевел взгляд на нее, задержался на её правой руке, которую она судорожно сжимала, и на мгновение в его глазах промелькнул узнавание. Он нахмурился еще сильнее.

— Потому что стекло — это ловушка для взгляда, — тихо, почти шепотом произнес старик. — Вы думаете, что вы подглядываете за лесом. А на самом деле вы открываете ему дверь. Гнилоуст увидит твой объектив раньше, чем ты его. Он любит стекло. В нем всё отражается вверх ногами. И душа человеческая тоже выворачивается наизнанку.

— Кто такой Гнилоуст? — спросил Дэн, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок.

Но старик не ответил. Он покачал головой, повернулся и стал медленно растворяться в тумане, направляясь обратно к своему трактору. Его шаги были абсолютно бесшумными, словно он шел не по асфальту, а по мягкому лесному мху.

— Эй, отец, стой! — крикнул Дэн, но туман мгновенно поглотил фигуру старика, оставив лишь далекий, глухой стук закрывшейся двери кабины.

Из павильона заправки выскочил Макс, нагруженный шуршащими пакетами.

— Так, народ, я взял всё, что было! — весело объявил он, не замечая повисшего напряжения. — Даже какие-то местные пирожки с брусничкой. Дэн, ты чего такой бледный? Снял что-то крутое?

Дэн посмотрел на свою камеру. На выпуклой стеклянной линзе объектива отражался серый, безмолвный лес. На секунду парню показалось, что в самой глубине этого отражения, среди черных ветвей, шевельнулось что-то бледное и огромное. Он зажмурился, потряс головой и быстро накинуд на объектив защитную пластиковую крышку.

— Нет, — глухо сказал Дэн. — Ничего. Просто туман.

— Отлично, тогда по коням! — Макс запрыгнул на переднее сиденье. — Навигатор показывает, что через два километра асфальт заканчивается. Начинается самое интересное.

Машина тронулась, съезжая с заправочной станции. Через минуту ржавые колонки и тусклый свет павильона исчезли в белой пелене за их спинами. Они пересекли невидимую границу. Впереди была только тайга.

Дорога умерла внезапно. Накатанная грунтовка сначала превратилась в разбитую лесовозами колею, заполненную черной, маслянистой жижей, а затем уперлась в покосившийся шлагбаум из облезлого бревна. За ним раскинулся заброшенный лесопункт — некрополь человеческого труда, медленно пожираемый тайгой.

Здесь стояли несколько полуразрушенных деревянных бараков с провалившимися крышами. Сквозь пустые оконные проемы проросли молодые березки, похожие на бледные руки, тянущиеся к небу. Чуть поодаль из болотной жижи торчал ржавый остов трелевочного трактора, густо обросший бурым мхом и лишайником.

Макс заглушил двигатель. Внезапно наступившая тишина показалась неестественной, почти физически осязаемой. Она давила на барабанные перепонки, заставляя парней и девушек говорить шепотом.

— Всё, приехали, — тихо сказала Алина, открывая дверцу. — Дальше только пешком. До места, где нашли вещи Коли, около восьми километров по старой просеке.

Они вышли из машины. Влажный холод мгновенно пробрал до костей. Дэн достал из багажника тяжелые рюкзаки, стараясь не греметь металлическими карабинами. Каждое движение казалось здесь слишком громким, святотатственным.

Макс натянул капюшон, взял в руки камеру-стабилизатор и попытался улыбнуться в объектив:

— Ну что, народ, мы на месте. Заброшенный лесопункт «Красный Бор». Отсюда начинается наш пеший маршрут. Связи нет, цивилизации нет. Только мы и дикая тайга. Ставьте лайки, если хотите, чтобы мы вернулись.

Его обычный бодрый тон прозвучал фальшиво и плоско. Голос не разносился эхом, а словно вязнул в тяжелом, неподвижном воздухе, затухая в нескольких метрах от них.

Алина сверилась со старым компасом на ремешке и уверенно зашагала к стене леса, где между двух гигантских елей угадывался проход — бывшая просека, ныне густо заросшая малинником и молодым ельником.

Дэн подхватил штатив, Кира поправила лямки рюкзака, и они двинулись следом.

Как только они перешагнули невидимую границу леса, мир изменился.

Воздух здесь был непривычно тяжелым, густым и влажным. Казалось, его нужно не вдыхать, а пить. Он пах прелой, многолетней листвой, сырым торфом, гниющим деревом и резким, сладковатым ароматом каких-то болотных трав. Этот запах не был свежим — он ассоциировался с увяданием, медленным разложением и вечным сном.

— Боже, ну и духота, — пробормотал Дэн, вытирая пот со лба, хотя температура вокруг едва превышала десять градусов. — Как в теплице. Только холодно.

Под ногами хлюпала сырая земля. Каждый шаг требовал усилий: ноги увязали в глубоком ковре из сфагнома, который пружинил и вздыхал под их весом, выпуская на поверхность пузыри бурой, дурно пахнущей воды. Стволы деревьев вокруг были покрыты серым лишайником, свисающим с ветвей длинными, грязными прядями, похожими на нечесанные волосы.

Кира шла замыкающей. Она то и дело оглядывалась назад.

Бараки заброшенного лесопункта стремительно растворялись в наползающем тумане. Вот исчез ржавый трактор. Вот скрылись очертания их внедорожника — маленького серого островка безопасности. Еще пара шагов — и тайга полностью сомкнулась за их спинами, заперев их в бесконечном лабиринте из черных стволов и зеленых лап.

«Точка невозврата», — подумала Кира.

Ей казалось, что лес вокруг них не просто растет — он наблюдает. Каждая сломанная ветка, каждый шорох под ногами отдавался в её груди глухим ударом. Деревья стояли так плотно, что сквозь их кроны не проникал свет. В этом вечном зеленоватом полумраке время словно остановилось.

Вдруг Алина, шедшая впереди, резко остановилась. Она подняла руку, призывая всех к молчанию.

— Что там? — шепотом спросил Макс, мгновенно наводя камеру ей через плечо.

Алина не ответила. Она просто указала вперед, туда, где прямо посреди заросшей тропы стояло нечто, чего никак не должно было быть в этой глуши.

Они шли уже больше двух часов. Тропа, если этот едва заметный просвет между деревьями можно было так назвать, уводила их всё глубже в заболоченную низину. Туман не рассеивался; напротив, он стал гуще, превратившись в полупрозрачную серую взвесь, которая оседала на куртках и лицах мелкой, холодной росой.

Деревья вокруг казались одинаковыми: бесконечные, искривленные сосны и ели со свисающими космами лишайника. У Киры начало складываться ощущение, что они ходят кругами, хотя Алина регулярно сверялась с компасом.

Дэн шёл, согнувшись под тяжестью рюкзака с операторским оборудованием. На его шее висели профессиональные мониторные наушники, подключенные к чувствительному направленному микрофону-пушке. Периодически он надевал их, чтобы записать интершум леса для будущего монтажа — шорох веток, капли воды, падающие на мох.

В какой-то момент Дэн остановился. Он нахмурился, прижал чашки наушников плотнее к ушам и замер, уставившись в одну точку.

— Дэн, ты чего застрял? — не оборачиваясь, спросил Макс. — Темп теряем.

— Тихо, — приглушенно скомандовал Дэн. Он снял наушники, удивленно посмотрел на них, постучал пальцем по капсулю микрофона, проверил уровень записи на рекордере и снова надел. — Ребята... стойте. Послушайте.

Группа остановилась. Кира тяжело перевела дыхание, опершись рукой о ствол березы. Кора под её ладонью оказалась на ощупь влажной и склизкой, словно разлагающаяся плоть.

— И что мы должны услышать? — шепотом спросил Макс, оглядываясь.

— В том-то и дело, — Дэн медленно снял наушники и повесил их на шею. Его лицо под слоем пота казалось бледным. — Ничего. Вообще ничего.

Сначала Кира не поняла, о чем он говорит. Но через несколько секунд до неё дошел смысл его слов, и по коже побежали ледяные мурашки.

В лесу стояла абсолютная, звенящая, мертвая тишина.

Это не была та тишина, которую горожане находят на даче или в парке. То был вакуум. В карельской тайге в конце лета должно было стоять сплошное гудение: миллиарды мошек, комаров, слепней, шуршание жуков в траве, крики птиц, писк грызунов, далекий стук дятла. Но здесь не было ни единого звука.

Даже ветер, который качал верхушки деревьев там, на заправке, здесь полностью стих.

Тяжелые лапы елей застыли, словно отлитые из чугуна.

— Здесь нет комаров, — тихо произнесла Кира, глядя на свои обнаженные запястья.

Это было противоестественно. В этих заболоченных местах их должны были сожрать за первые десять минут пути. Но вокруг не кружилось ни одной мошки. Никакого жужжания. Никакого движения в траве.

— Может, птицы улетели? Или погода... — неуверенно предположил Макс, но его голос прозвучал так тихо, словно его обернули в плотный слой ваты. Звук не распространялся. Он падал и умирал прямо у их ног.

— В такую погоду птицы не поют, это нормально, — быстро проговорила Алина, но Кира заметила, как её пальцы судорожно сжались на ремешке компаса. — Но насекомые... насекомые должны быть.

— Это не просто отсутствие звуков, — Дэн покачал головой, его голос дрожал. — Микрофон ловит только белый шум прибора. Физический ноль. Здесь как в безэховой камере. Слышно только, как кровь в ушах стучит. И... наше дыхание.

Они постояли так еще минуту. Тишина давила на барабанные перепонки, вызывая легкое головокружение и тошноту. В этой пустоте их собственные шаги, хлопанье грязи под подошвами и скрип лямок рюкзаков казались неестественно, кошунственно громкими. Словно они шли по залу спящего музея и намеренно колотили в барабаны.

Кире вдруг вспомнился её ночной рисунок. Исполинское дерево с черной пустотой вместо рта. Безмолвный, вечный крик, застывший в дереве.

«Лес открыл рот, — подумала она, и эта мысль показалась ей удивительно четкой и страшной.

— Он открыл рот и всосал в себя все звуки. Он просто слушает нас.

— Ладно, хватит жути нагонять, — Макс попытался встряхнуться, но его улыбка вышла кривой.

— Меньше тварей — легче идти. Дэн, не отставай. Алина, сколько еще?

— Примерно половина пути, — Алина сверилась с картой. — Если прибавим шагу, через час будем на месте первой стоянки группы Коли.

Они двинулись дальше. Но теперь каждый из них шел, прислушиваясь к собственному дыханию и стуку сердца, боясь издать лишний звук. Мертвая тишина тайги следовала за ними по пятам, сжимаясь вокруг них всё плотнее, словно невидимая, удушающая удавка.

Туман сгустился настолько, что просека сузилась до нескольких метров. Огромные ели, обступившие тропу, казались безмолвной стражей, зажавшей людей в узком коридоре. Шаг за шагом группа пробивалась сквозь эту серую вату, пока не уперлась в развилку.

Здесь тропа разделялась на два рукава: один уходил круто вниз, в темный овраг, откуда тянуло болотным гниlostным холодом, другой петлял между поваленными стволами, уходя чуть правее.

Алина остановилась на развилке, тяжело дыша. Она достала карту, пытаясь сориентироваться, но компас вел себя странно — стрелка не указывала на север, а медленно, лениво покачивалась из стороны в сторону, словно плыла в масле.

— Что за черт... — пробормотала Алина, постучав пальцем по стеклу прибора. Стрелка дернулась и снова замерла в неопределенном положении.

— Алина, посмотри туда, — тихо сказала Кира. Она указывала пальцем на старую, раскидистую ель, стоявшую прямо на стыке двух троп.

На одной из нижних ветвей, покрытой сухими иглами и серым лишайником, что-то висело. Это был яркий, чужеродный предмет, совершенно не вписывающийся в унылую серо-коричневую палитру увядающего осеннего леса.

Дэн сделал шаг вперед, вскидывая камеру. Макс подошел ближе, шурясь.

На ветке, покачиваясь на толстой бечевке, висел детский резиновый сапог. Ярко-желтый, со смешным рисунком в виде синих облаков по бокам. Он был совсем небольшим — примерно на пятилетнего ребенка. Сапог висел подошвой вниз, аккуратно привязанный за петельку на заднике.

— Что за глупая шутка? — Макс нервно усмехнулся. — Откуда здесь детский сапог? До ближайшей жилой деревни километров сорок по болотам.

— Может, туристы потеряли? — предположил Дэн, наводя объектив и ловя фокус на желтом резиновом бортике. — Ну, шли с ребенком, сапог слетел, они повесили на ветку, чтобы на обратном пути забрать...

— В такую глушь детей не водят, — отрезала Алина. Её голос звучал натянуто, как струна. — Это не туристический маршрут. Здесь даже подготовленные взрослые пропадают.

Кира подошла к дереву почти вплотную. Её взгляд был прикован к голенищу сапога.

— Ребята... — прошептала она. — Посмотрите внутрь.

Дэн сделал шаг вперед и поднял камеру выше, заглядывая объективом внутрь резинового голенища. На экране видеоискателя картинка приблизилась, и парень почувствовал, как у него перехватило дыхание.

Внутри сапожка, заполняя его до самых краев, рос мох. Но это был не тот блеклый, полуживой лишайник, который покрывал стволы деревьев вокруг. Это был невероятно сочный, пушистый, неоновозеленый мох. Он буквально светился жизнью, контрастируя с мертвой, увядающей осенней тайгой вокруг. От него исходил слабый, странный запах — не гнили, а свежескошенной травы и чего-то приторно-сладкого, похожего на перезрелые фрукты.

— Как такое возможно? — пробормотал Дэн, протягивая руку. — Сейчас поздняя осень. На улице заморозки по ночам. Весь мох в лесу серый или бурый. А этот... он как будто из оранжереи.

— Не трогай его! — резко крикнула Кира, перехватив руку Дэна.

Дэн удивленно посмотрел на неё. Пальцы Киры дрожали, а лицо было бледным, как туман вокруг них.

— Он... он не настоящий, — прошептала она, не сводя глаз с желтого сапожка. — Посмотрите на него. Он не просто растет там. Он как будто... заполняет его изнутри. Как нога.

Макс хмыкнул, хотя в его глазах тоже читал страх:

— Кир, ну ты чего? Это просто мох. Влаги много, вот он и разросся в резине. Обычная биология. Может, этот сапог тут три года висит.

— Три года? — Кира покачала головой. — Желтая резина блестит так, словно её только что вымыли. На ней нет ни грязи, ни потеков от дождя. Ни одной сухой иголки сверху не упало. Его повесили сюда совсем недавно. Может быть... сегодня.

Слова Киры повисли в мертвой тишине леса.

Дэн снова посмотрел через объектив. Действительно, резиновая поверхность была безупречно чистой, без единого следа пребывания в диком лесу. И этот ярко-зеленый, сочный мох внутри... Он выглядел так, словно медленно пульсировал в такт какому-то невидимому сердцу.

— Нам нужно идти, — тихо, но твердо сказала Алина. Она убрала компас в карман, даже не взглянув на него. — Правая тропа ведет в обход оврага. Нам туда. Быстрее.

Никто не стал спорить. Они поспешно двинулись по правому склону, стараясь не смотреть на желтый детский сапожок, который продолжал безмолвно висеть на ветке старой ели, провожая их своим ядовито-зеленым нутром.

Кира шла, чувствуя, как внутри неё нарастает паника. Лес больше не казался им просто необитаемым пространством. Он казался чьим-то домом. И этот «кто-то» только что оставил им знак.

Сумерки в тайге наступили стремительно. Туман сгустился до такой степени, что разглядеть дорогу дальше, чем на три шага стало невозможно. Усталые, промокшие и измотанные гнетущей тишиной, ребята решили остановиться на ночлег.

Место для лагеря Алина выбрала у подножия Сельги — древней карельской скалы, сложенной из темного, почти черного гранита. Огромная каменная глыба, отшлифованная ледником тысячи лет назад, круто уходила вверх, теряясь в туманном небе. Она казалась надежным щитом, закрывающим их сзади, но в то же время её подавляющая масса рождала чувство клаустрофобии. Каменная стена дышала могильным холодом.

Разжечь костер оказалось пыткой. Мелкие ветки ельника, пропитанные влагой, не хотели гореть. Дэн долго колдовал над растопкой, пока наконец сырые дрова не занялись слабым, шипящим пламенем. Костер почти не давал тепла, зато выпускал густой, едкий дым, который не поднимался вверх, а лениво расплзался по земле, смешиваясь с туманом.

Быстро поужинав безвкусной тушенкой, они разошлись по палаткам. Парни заняли двухместную «полусферу» справа, а Кира с Алиной устроились в такой же палатке слева, всего в трех метрах от них.

Внутри палатки было тесно. Кира лежала в спальном мешке, уставившись в темноту. Тонкий слой нейлона отделял её от первобытного, безмолвного леса. Она слышала ровное, глубокое дыхание Алины, которая заснула почти мгновенно, сморенная усталостью.

Сама Кира уснуть не могла. Мертвая тишина снаружи казалась ей неестественной, зловещей. Ни шороха ветра, ни капли дождя — только гул крови в собственных ушах. В конце концов, усталость взяла верх, и она провалилась в тяжелый, тревожный полусон.

Ей снился желтый детский сапожок. Он плыл по черной болотной воде, а из его голенища во все стороны тянулись длинные, зеленые нити мха, оплетая её руки...

Кира резко открыла глаза.

В палатке было холодно, изо рта шел слабый пар. Она лежала на боку, лицом к натянутой тканевой стене. Снаружи царила крошечная, непроглядная тьма.

Ших... ших...

Звук был тихим, сухим и очень близким.

Кира замерла, перестав дышать. Сердце бешено заколотилось в груди, отдаваясь тяжелыми ударами в висках.

Ших... сссс...

Это происходило прямо у её головы. На расстоянии каких-то десяти сантиметров, за тонкой стеной палатки. Кто-то медленно, аккуратно проводил ногтями по натянутому нейлону.

Звук был ни на что не похож. Это не была ветка, задевшая ткань от ветра — ветра не было. Это не было животное, которое могло бы обнюхивать палатку. Движения были осознанными, неторопливыми.

Ших... ших...

Пять сухих, длинных ногтей скреблись по палатке, спускаясь сверху вниз. Кира почувствовала, как ткань в паре сантиметров от её лица едва заметно завибрировала. Нейлон слегка вдавился внутрь, очерчивая силуэт узкой, длинной ладони с неестественно вытянутыми пальцами.

Кира хотела закричать, позвать Алину, но горло словно сдавило ледяной рукой. Голос пропал. Она лежала, парализованная ужасом, широко открытыми глазами глядя на то место, где за тонкой синтетической преградой находилось нечто.

Скрежет прекратился. Наступила секундная пауза, показавшаяся Кире вечностью.

А затем из-за стены палатки донесся тихий, влажный звук. Как будто кто-то сделал глубокий, свистящий вдох сквозь плотно сжатые зубы, а затем медленно, с трудом выдохнул, обдав ткань палатки ледяным воздухом.

«Оно знает, что я здесь, — пронеслось в голове у Киры. — Оно чувствует мой страх».

Вдруг скрежет возобновился, но теперь он стал более быстрым, нетерпеливым. Ногти царапали нейлон со звуком, от которого сводило зубы.

Кира зажмурилась, изо всех сил сжимая кулаки, молясь только о том, чтобы эта тонкая ткань выдержала, чтобы она не порвалась под натиском того, что стояло снаружи, во тьме у подножия древней скалы.

Часть вторая

Болото вздохов

Утро принесло не облегчение, а лишь холодный серо-белый свет, который с трудом пробивался сквозь вечный туман. Костер окончательно потух, оставив после себя мокрое черное пятно и кучу углей, подернутых инеем.

Кира выбралась из палатки первой. Её лицо осунулось, под глазами залегли темные тени. Всю оставшуюся часть ночи она провела в полузабытьи, вздрагивая от каждого шороха и прислушиваясь к ледяной тишине. Первым делом она осмотрела натянутый тент палатки снаружи. К её удивлению, плотный нейлон был абсолютно цел — ни порезов, ни царапин.

Земля у подножия скалы, усыпанная жесткой хвоей и сухими листьями, хранила лишь их собственные следы. Словно ночной кошмар ей просто привиделся.

Вскоре из соседней палатки вылез Дэн. Выглядел он не лучше: помятый, бледный, с красными от недосыпа глазами. Не говоря ни слова, он сел на поваленное бревно, достал из кофра камеру и нажал кнопку включения.

— Дэн... — тихо позвала Кира, подходя ближе. Голос её дрожал. — Ночью кто-то приходил. Кто-то скребся в мою палатку. Прямо у моей головы.

Дэн замер, держа пальцы на диске управления камерой. Он медленно поднял на неё тяжелый взгляд. В его глазах не было привычного скептицизма, только глухое, липкое беспокойство.

— Я ничего не слышал, — глухо произнес он. — Спал как в бреду. Снилось какая-то дичь... Будто я кричу, а вместо голоса изо рта сыплется сухая хвоя. Ладно, надо проверить вчерашний материал. Хочу посмотреть, как записался тот желтый сапог на развилке. Может, на видео мы заметим то, чего не увидели глазами.

Он откинул боковой дисплей камеры и нажал кнопку воспроизведения последнего файла.

Кира заглянула ему через плечо. Ей отчаянно хотелось увидеть на экране хоть что-то нормальное, привычное, связывающее их с реальным миром — четкую цифровую картинку, пусть даже со зловещим сапогом на ветке.

Экран моргнул. Но вместо кадра с развилкой его залило странной серой рябью.

— Что за черт? — Дэн нахмурился, постучал пальцем по корпусу и нажал на паузу.

Рябь не остановилась. Миллионы мелких серых и черных пикселей на экране продолжали двигаться. Но это не были обычные цифровые помехи или «снег», который бывает при поломке матрицы. Помехи имели пугающую, органическую структуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.